

Глава первая

НАЧАЛО

На следующий день совещание началось с разноса. Директор упражнялся в административном остроумии.

— У нас же не компания! И нет сотрудников у нас! У нас как в том поле — каждый суслик агроном!

Подчиненные даже не хихикнули, хотя вид зверька, который воображает себя специалистом по сельскому хозяйству, наверняка был потешен.

— Зачем я вас всех держу?! — грохотал директор. — Мне что, некуда деньги девать?! Буду увольнять! Хватит терпеть все это!

Инна слушала директора и старалась чем-то занять руки. Когда она волновалась, руки начинали холодеть, мокнуть и дрожать. Это бросалось в глаза. А привлекать внимание директора не хотелось. Вчера она не выполнила его поручение, не узнала, почему вдруг в филиалах такая текучка кадров. Официальные цифры,

сводки и отчеты мало что говорили. Только было понятно, что в кадровых вопросах идет игра на приличные суммы.

Пять дней назад директор вызвал Соломатину:

— Хочу понять ситуацию. Все эти бумажки — полная ерунда. Присмотритесь, послушайте день-другой, обратите внимание, кто на каких позициях работает. Как смены отрабатывают. Особенно интересуют два филиала. Полдня в одном проведите, полдня — в другом. Завтра доложите на совещании.

Инна пять дней моталась по пригороду — филиалы находились далеко друг от друга. По дороге она попадала под дождь, потом мерзла на ветру, жалея, что с утра не надела шапку. Апрель пришел, но был суровее ноября. «Хуже нет этих местных командировок. Столько всякой суеты, а проку ноль», — думала Соломатина. На «большом» совещании докладывать ей нечего — она ничего толком не узнала. Директоров филиалов не оказывалось на месте, рядовые сотрудники мастерски уклонялись от расспросов. Инна понимала, что будь на ее месте другой человек, результат мог быть вполне приличным. Можно было перекурить с менеджерами, попить чайку в бухгалтерии, посудачить с девочками из отдела заказов.

Глядишь, это необременительное общение дало бы массу информации. Но Инна сходилась с людьми тяжело, любой разговор был для нее мучением. И как она вообще столько времени продержалась в компании, будучи ответственной за подготовку кадров, было для нее самой большой загадкой.

Между тем директор замолчал, порывшись на столе и, достав какую-то папку, провозгласил:

— Виноваты все. А некоторые в особенности. И вас, Соломатина, это касается в первую очередь. Вами принято в обучающий сектор двадцать человек, из них только семь работают у нас. А остальные?

— Ну... — Инна хотела сказать, что остальные — это забота отдела кадров. Она свою задачу выполнила — нашла толковых способных людей, которых убедила получить еще одну специальность. Они ее получили, а вот удержать на производстве — это дело кадров, администрации и самого директора. Ее дело — убедить прийти учиться, проследить за учебой и выдать диплом. Это не она, Соломатина, предлагает зарплаты, социальный пакет и карьерный рост. Это не Соломатина урезает премии и посылает в командировки, о которых никто не говорил при приеме на работу. Инна могла возразить, защитить себя, но страх

ее сковал. Одновременно в душе поселились лень и апатия. Соломатина знала, что это плохой признак. Это признак того, что она, открещиваясь от всего, бороться не собирается. Ей это уже все неинтересно. И она молча смотрела за спину директора, а ладони сцепила в замок, чтобы не было видно бледных пальцев.

— Вас надо уволить, понимаете?! Предприятие терпит убытки из-за кадров, из-за того, что берем людей с улицы, неучей, вместо того, чтобы цепляться за своих. Неучи гонят брак — у нас претензий до потолка за последний квартал!

Подчиненные молчали, Инна упрямо рассматривала ветку старого тополя, который чудом уцелел в заводском дворе. «Господи, да уже уволь ты меня, только не ори так!» — подумала про себя Соломатина и тут же ужаснулась своим мыслям. Она не могла оказаться на улице без зарплаты — родители, съемная квартира, долг за шубу и... И еще планы на лето, билет в Большой и вообще независимость. Ей нельзя потерять работу — впервые за долгое время в ее жизни наступила стабильность. И впервые она длилась несколько лет.

— Я постараюсь исправить ситуацию, я действительно постараюсь, — заговорила она запинаясь...

— Что значит постараюсь?! Вы обязаны! — проорал директор.

— Да что значит — обязана?! Я отвечаю за подготовку кадров. Так они и готовятся, учатся, а то, что люди стали уходить, — это проблема многих отделов! — сорвалась Соломатина.

Директор прищурился, помолчал, а потом тихо ответил:

— Проблема многих. Согласен. Но чтоб им была наука, уволю я вас!

По дороге домой Инна пыталась убедить себя, что устроиться на фабрику по производству входных и межкомнатных дверей, рам и крупной корпусной мебели — это была ошибка. «Не с моим характером. Здесь нужны люди жесткие, грубые и терпеливые», — думала она, таща за собой сумку с вещами. Каждая женщина обрастает на работе гардеробом, памятными мелочами и кучей разной дребедени, которая непонятно как оседает в ящиках письменного стола.

Дома никого не было. Антон очередной раз «гастролировал» с писательской делегацией. Она его ждала только к субботе. Инна обратила внимание на пустые коробки из-под обуви, брошенные в комнате, и ворох футболок. «Хоть бы в шкаф просто кинул. Нет ведь!» — разозлилась она и вдруг обрадовалась, что Ан-

тона дома нет. Она огляделась и вдруг заговорила сама с собой.

— Ладно. Ну, уволили, — бормотала она, раскладывая по местам вещи, — да найду я себе работу. Вот немного отдохну, отосплюсь, сделаю, наконец, генеральную уборку...

Тут Соломатина посмотрела на пыльное зеркало и вспомнила, что квартира чужая, что срок вносить деньги вот-вот наступит. А там быстро пролетит еще месяц, и опять выкладывай сороковник. Инна бросила жакет и улеглась на диван. Так она и лежала, окруженная пакетами, одеждой, блокнотами и мягкими игрушками. Думать ни о чем не хотелось, шевелиться не хотелось. Но страх окуклиться в этом своем несчастном положении заставил ее взяться за дела.

Опомнилась она глубокой ночью. В доме царил уже идеальный порядок, углы блестели, пахло свежестью. Инна, сама того не заметив, сделала все, что планировала долгое время, но до чего так и не доходили руки. Помыла люстру, разобрала стенной шкаф, переставила покосившиеся книги на полке, разложила всю мелочь по местам. Она поменяла еще постельное белье, постирала кое-какие вещи, помыла всю кухню, спрятала зимнюю обувь в коробки, выставила легкие сапожки и туфли.

— Ну, квартира в порядке! Теперь моя очередь, — сказала себе Инна.

Она тщательно очистила лицо, наложила маску, выщипала брови, приняла ванну с розовым маслом, облачилась в новую пижаму и с чувством выполненного долга улеглась в постель. За окном начинался новый день. Но Инне он уже был не страшен — она «не затормозила», не остановилась, не сбилась с ноги.

Куда может устроиться человек с высшим медицинским образованием, несомненными организаторскими способностями и небольшим опытом руководящей работы? Через месяц поисков работы Инне Соломатиной казалось, что никуда. Что нигде она не нужна, никому не интересна, а если работу и предлагают, то за ничтожную плату.

— Я своим продавцам больше «пятихатки» не плачу, — спокойно сказала ей владелица магазинчика одежды и постельного белья.

— Больше чего? — не поняла Инна.

— «Пятихатки», пятисот рублей, — пояснила тетка.

Инну почему-то покорило не столько ничтожное жалование, сколько заскорузлое обозначение суммы.

«Нет, у меня образование, и я неплохо справлялась со своими обязанностями на прошлой работе. А директор уволил меня из-за дурного настроения», — подумала Инна.

— Знаешь, ты не привередничай, ты соглашайся. У меня тут хорошо. Иногда я тебе что-нибудь из вещей дарить буду. — Тетка по-своему истолковала молчание Инны.

— Я не привередничаю. Я институт окончила, у меня опыт работы на производстве. Я многое умею.

— И что? Работу ищешь? У меня десять классов, я халатами торгую, а у меня машина, дом, квартира и в банке кое-что, — рассмеялась тетка.

— Я рада за вас, — сухо распрощалась Соломатина.

Но тетка попала в цель — на Инну произвело впечатление не богатство как таковое, а возможность тетки чувствовать себя неуязвимой. Инна зашла в кафе и, несмотря на строгую экономию, попросила принести ей большой кофе и кусок торта. «Как же они все так устраиваются?! Халаты, машины, квартиры... Сидит такая...» Инна мысленно подбирала определение, которое могло подойти тетке с халатами.

— Ваш кофе. И торт, — официантка поставила на стол поднос.

«Торт — это хорошо», — подумала Инна. Вид лакомства и запах кофе подействовали успокаивающе. Вдруг стало уютно. Кафе превратилось в норку, куда можно было спрятаться от проблем. Полумрак, люди, занятые собой и своими делами, приглушенный звон посуды — все это было обособленным миром, и внешние проблемы превратились в обычные, совсем не фатальные вопросы. В этом обманчивом состоянии Соломатина находилась ровно столько, сколько ела торт. С последним кусочком, оставившим шоколадный след на белой тарелке, тревога дала о себе знать. «Странно все это. Как будто меня заколдовали, сглазили, порчу навели, — подумала Инна, но тут же спохватилась. — Нет, порча — это уж слишком. Да и сглаз не имеет к этому никакого отношения. Но ведь с работой не везет. Хоть тресни. И хоть расшибись в лепешку, работай за пятерых, меня все равно увольняют. Причем очень быстро». Соломатина вдруг вспомнила чувство, которое охватило ее на совещании. Она словно бы торопила директора, словно точно знала, что уволят именно ее, а потому душевно даже не сопротивлялась, хотя и не могла себе сейчас позволить безденежье. Соломатина помнила, как она сидела, пыталась унять дрожь ледяных рук и точ-

но знала, что именно на ней директор остановит свой выбор. «Получается, я предсказываю свои собственные неприятности. Или предчувствую. Интересно, как... Надо вспомнить, давно у меня так?»

Инна задумчиво помешала кофейную гущу, потом с сожалением посмотрела на пустую тарелочку из-под торта и неожиданно вслух произнесла:

— Антон. Все началось с Антона. А если так, то нам надо расстаться.

Соломатина испуганно огляделась — никто ее не слышал. И дело было не в том, что она говорила вслух, а в том, что именно она сказала вслух. А сказала она то, о чем еще недавно и подумать боялась. Волновалась она зря — окружающие были заняты собственными проблемами, на нее никто не обратил внимания. Тогда Инна ложечкой соскребла остатки крема с тарелочки, затем потребовала счет и решительно вышла из кафе. Она двигалась в сторону дома, чтобы сейчас же раз и навсегда устранить причину всех своих неприятностей.

Правильно говорят: «Настоящее — зеркало прошлого». Иными словами, хочешь понять человека — расспроси его о детстве. Конечно, случаются вывихи и прочие неприятности.

Случается, что добрый и ласковый ребенок вырастает в монстра. Но это — тот самый вывих.

Если говорить о Соломатиной, то все случаи из ее прошлого — это подтверждение ее сегодняшней ситуации.

Когда-то Соломатина обожала униформу. После одиннадцатого класса она собиралась идти в юридический, чтобы потом шеголять в полицейских погонах. Запасным вариантом была Академия лесного хозяйства. Зеленое сукно, из которого шили кители лесникам, безумно подошло бы к ее глазам. Но это все было в будущем, а пока девятому «А» предстояло трудиться в областной больнице. О чем и сообщила классный руководитель.

— Мы с вами вливаемся в набирающее силу волонтерское движение, — сказала Людмила Григорьевна торжественным голосом. — Вы знаете, какими нужными и важными делами занимаются волонтеры. Весь июнь мы будем помогать врачам.

— А нам выдадут белые халаты? — подняла руку Соломатина.

Класс заржал, а Людмила Григорьевна пожала плечами:

— Наверное. Наверное, что-то такое дадут!

«Что-то такое» Соломатиной было не нужно. Ей нужна была форма, которая подчеркивала бы ее статус.

Через три дня класс собрали в вестибюле больницы.

— Мы рады увидеть в вашем лице помощников! Будем надеяться, что волонтерское движение принесет пользу не только нам, но и вам, определяющим сейчас свой дальнейший путь! — директор по хозяйственной части открыл официальную часть.

— Быстро переодевайтесь! Немного не ваши размеры, но без халатов в больнице находиться нельзя. Наш врач Владимир Анатольевич введет вас в курс дела.

Завхоз выдала охапку белых халатов...

Пока одноклассники дергали себя за полы безразмерных одежд, Соломатина достала из пакета накрахмаленное белое платье. Платье было на пуговицах и с пояском, поэтому очень походило на врачебный халат. К тому же нагрудный карман платья был украшен змеей, обнимавшей рюмку на высокой ножке. Змею вышила сама Соломатина, и была она похожа на ленточного червя из учебника по биологии. Но это если присмотреться. Общий же вид Инны Соломатиной был великолепен —

в меру расклешенная юбка, воротничок-стойка, тугой поясок подчеркивает тонкую талию. Если одноклассники в белых халатах с чужого плеча напоминали привидения, то Соломатина вполне могла сойти за медика-практиканта.

— Итак, — сказал усталый доктор Владимир Анатольевич, — вы, наверное, заметили, что у нас в больнице ремонт. Несмотря на это, мы продолжаем лечить наших больных. Задачи на ближайшие дни такие. Мальчики должны перетащить и расставить мебель на этаже, девочки — помыть окна и двери. И еще я отберу несколько человек, которые будут ухаживать за пациентами. Дело в том, что у нас в отделении есть те, чье состояние не является тяжелым, но тем не менее этим людям требуется помощь. Ваша задача — эту помощь оказывать.

Владимир Анатольевич обвел глазами класс и растерялся. Интересно, кого можно выбрать из этой толпы охламонов? И тут он заметил Соломатину.

— А вы кто? — спросил Владимир Анатольевич.

— Это тоже наша ученица. Очень хорошая, очень аккуратная девочка, — скороговоркой пояснила классная руководительница. Она обрадовалась, что хоть кто-то из класса внешне

соответствует важным задачам волонтерского движения.

— Я вижу, что аккуратная, — одобрительно кивнул заведующий отделением. — Вот вы, Соломатина, и еще два человека.

— Ваш подопечный лежит в седьмой палате. Задачу знаете — помогать ему в быту, следить за порядком, если что-то заметите — позовете медсестру или врача. То есть вы должны выполнять функции сиделки. Вы меня понимаете? — Владимир Анатольевич посмотрел на Инну.

— Отлично понимаю. Я задам несколько вопросов? — официально спросила Соломатина. Белое форменное платье придавало ей уверенности.

— Конечно, — кивнул доктор.

— Мне будет легче выполнять свою работу, если я буду хоть что-то знать о больном.

— Логично, — согласился доктор.

— Можно в двух словах его историю?

Доктор растерялся на мгновение, но девушка, стоявшая перед ним, была собрана, деловита, в ней не было ни капли смущения или кокетства. А еще это белое, выглаженное «докторское» платье.

— Лыжня, сугроб, ветка, неотстегнувшееся крепление. Вывих, трещина, связки. Лечит-

ся с перерывами уже пятый месяц. Беспокоят боли в области стопы. К сожалению, пациент пытался ходить, когда это было строго воспрещено.

— Прогноз? — так же лаконично спросила Соломатина.

— Большая вероятность постоянной хромоты. Костыли или палочка. Разумеется, все строго между нами.

— Я понимаю, — важно произнесла Соломатина. — А сейчас какой режим?

— Через две недели обследование. До этого — строго постельный!

— Спасибо, — ответила Соломатина. Она достала из кармана белую отглаженную косынку, повязала на свои пышные волосы и пошла искать седьмую палату.

Доктор Владимир Анатольевич озадаченно посмотрел ей вслед.

Палата номер семь находилась в самом конце коридора. Инна подошла к двери и осторожно постучала.

— Ну? — раздалось в ответ.

Инна вошла.

— Здравствуйте, я — ваша сиделка. Мы, наш класс, — волонтеры. Меня прикрепили к вам. Я буду помогать вам.

— Мне вообще-то ничего не надо, но... Валяй! — улыбнулся парень, лежащий на кровати.

Инна на секунду растерялась. Но потом, ощутив, как строго сжимает талию поясок ее накрахмаленного платья, сурово сказала:

— Давайте познакомимся. Инна Соломатина.

— А я — Федотов, — улыбнулся парень.

— Очень приятно, — кивнула Инна.

— Да? — парень с интересом посмотрел на нее. — Я подумал, что новый врач с обходом.

Соломатина довольно хмыкнула:

— Нет, я буду помогать вам. Ну, убрать, принести, что-то помыть...

— А, понятно... — ответил Федотов и попытался принять непринужденную позу. Ему это плохо удалось — больная нога была схвачена металлической скобкой.

— Вы не беспокойтесь, если что — обращайтесь, — сказала Инна, заметив его движение.

— Вежливая, на «вы», — прищурился Федотов. Он словно не заметил предложение о помощи.

— Научили родители, — парировала Инна, — как вы себя чувствуете сегодня?

— Как и положено.

— Я тут приберу, помою, хорошо?

— Стоит ли? — нахмурился Федотов.

— Похоже, нет, но надо.

Парень хмыкнул, оценив ответ. Но настроение у него явно испортилось.

— Слушай, а ты, что ли, каждый день будешь приходить? С утра до вечера тут торчать будешь? — спросил он как бы между прочим.

— Каждый день. А сколько времени буду это делать — пока не сказали. Я же не буду мешать?

— Не знаю, — ответил парень и уткнулся в свой телефон.

Палата была небольшой, но когда-то здесь стояли еще две кровати. Теперь же на их месте шуршала строительная пленка. Она прикрывала стену с пятнами свежей штукатурки. Из мебели в палате была кровать, на которой лежал Федотов, тумбочка и один стул. К стулу прислонились костыли. Небольшой умывальник находился в углу, там же были зеркало и крючки с белыми тряпочками. Инна внимательно оглядела ремонтируемый угол, нашла кучки мусора, загнанного под пленку, обрывки бумажек и жестянку с засохшей краской. Еще она увидела, что раковина грязноватая, а на захлавленной тумбочке полно крошек. Инна все это заметила и заодно разглядела Федотова. На вид ему было лет семнадцать. Он был худым, жилистым, с рыжими волосами, за-

бранными на макушке в хвост, лицо в редких веснушках. Одет в тонкий спортивный костюм и белые носки.

Соломатина не выдержала повисшего молчания:

— Может, вам хочется чаю, перекусить?

— А? — не сразу оторвался от телефона Федотов. — Не, ничего не надо.

— Хорошо, я все же наведу порядок на вашей тумбочке. Здесь очень грязно.

— Не трогай ничего! — с досадой сказал Федотов.

— Так нельзя, у вас здесь просто... Просто ужас. И почему уборщица ни разу не вытерла пыль и эти следы еды?!

— Тебе-то что? Не твоя тумбочка. Я не люблю, когда копаются в моих вещах, — неожиданно резко сказал Федотов. В его взгляде появилась злость.

— Должно быть чисто, — упавшим голосом сказала Соломатина.

— Для меня — чисто, — отрезал Федотов.

Инна помолчала, прошлась по палате.

— Хотите, я вам книгу почитаю? Я специально взяла из дома хороший детектив, — наконец сказала она.

— Чего? — изумился Федотов.

— Почитаю, — повторила Инна.

— Я не могу ходить, но знаю буквы. И вообще, мне ничего не надо... Я ведь уже сказал.

Она растерялась. Во-первых, потому что настроение парня резко изменилось — доброжелательный интерес сменился раздражением. А во-вторых, от ее умственных представлений, как она деловито, весело, играючи наведет порядок и уют, как она развлечет, рассмешит, подбодрит больного, — от этих представлений ничего не осталось. В реальности была комната, где нечего делать, некуда было сесть и где она была совершенно не нужна.

— Слушай, иди. Если что, я тебя позову, — сказал Федотов. В его телефоне что-то пискнуло, и он стремительно начал писать ответ. Инна потопталась, потом вышла из палаты.

Волонтеры пришли в больницу как нельзя кстати. Тусклые коридоры, наполненные осторожным шарканьем больных, теперь продувались сквозняками и сотрясались еле сдерживаемым гоготом. Школьников иногда одергивали, но делали это формально — молодая энергия распространялась со скоростью вируса. И вот уже старушки туже подвязали свои байковые халаты, дамы помоложе угощали яблочком, а мужчины тайком посылали за сигаретами, одновременно читая лекции о вреде табака.

Соломатина, по натуре индивидуалистка, сейчас позавидовала одноклассникам — они были все вместе и при деле. Инна нашла свободный стул, поставила его в коридоре рядом с палатой и села, чинно сложив руки. Она прислушивалась к звукам из-за двери и покинула свой пост только раз, привлеченная необычным шумом — мальчишки устроили гонки на креслах-каталках.

Ближе к обеду по коридору пробежал доктор Владимир Анатольевич. Он сначала проскочил мимо Соломатиной, потом тормознул и спросил:

— А что это вы здесь делаете?

— Сижу и жду, когда меня позовут. Пока моя помощь не нужна, — ответила Инна.

— Понятно. И дел там для вас никаких нет?

— Есть, но он... Федотов, говорит, чтобы я не мешала...

— Идите в палату, передайте ему, что сейчас задницу колоть придут. И занимайтесь тем, чем считаете нужным.

— Да?

— Конечно. Федотов — пациент. Если бы мы пациентов во всем слушались — они бы так и оставались пациентами. Вы меня поняли? Как вас — Соломатина?

— Да, я вас поняла, — покраснела Инна.

— Тогда — вперед! — Доктор рысью помчался дальше.

Когда медсестра пришла делать укол, она увидела красного от злости Федотова и Соломатину, тщательно перемывающую посуду. На полу стояли пакеты с мусором, засохшим хлебом, пакетами от чипсов, фантиками. Тумбочка была настежь открыта, и от нее пахло дезинфекцией.

— Поворачивайтесь, колоться будем! — скомандовала сестра и покосилась на Инну.

— Минуточку, я выйду. — Инна стащила резиновые перчатки и, пользуясь моментом, пошла искать уборщицу. Найдя ее, она сказала:

— Спасибо вам за перчатки, губки и порошок. Пожалуйста, помойте у Федотова полы — там под пленкой ужасная грязь.

— Это ремонт...

— Нет, это плохо убрано, — неожиданно твердо сказала Соломатина.

Она вдруг почувствовала свою силу. Они, весь класс, не на птичьих правах, они — волонтеры. И раз уж они бесплатно помогают, имеют право что-то требовать.

— Ты что это? Начальница, тоже мне!

— Пожалуйста, помойте. Все остальное я уже сделала сама.

В четыре часа волонтеров-школьников отпустили домой.

— Я уйду. Приду завтра рано утром. Вам сейчас ничего не нужно? — обратилась Инна к Федотову. Тот все молчал, сопел, по-прежнему злился.

— Если что-то надо, я могу задержаться.

— Надо, — неожиданно ответил Федотов.

— Да, конечно, слушаю вас, — улыбнулась Инна. Она не ожидала, что Федотов о чем-то попросит.

— Я хочу пи-пи.

— Что? — изумилась Соломатина.

— Пи-пи, — Федотов посмотрел на нее. И она увидела, что глаза у него цвета неба.

— А... Вам нельзя вставать...

— Нельзя, — подтвердил Федотов.

— И как же...

— Ты сиделка, ты и решай проблему! — ответил Федотов и забавно свернул губы трубочкой. — Только учти — долго не вытерплю...

— Вот вам «утка», — подала через десять минут Инна с пунцовыми щеками предмет, накрытый марлей.

— Долше ходить не могла? Это твое счастье, что не придется менять простыни... Ну, — Федотов поднял на нее глаза, — стоять

и смотреть будешь?! Не волнуйся, я тебя потом позову.

— Извините! — Соломатина вылетела из палаты.

— Инка, пошли домой! — окликнула ее подруга, Анечка Нечипоренко.

В коридоре толпились одноклассники.

— Да, сейчас, — растерялась она.

— Пойдем, пойдем... — нетерпеливая Нечипоренко потянула ее за руку. Соломатина замешкалась:

— Понимаешь, там...

— Сиделка! Волонтер! Можешь заходить! — раздался громкий голос Федотова. В коридоре стало тихо.

— Да, иду, — ответила Соломатина хрипло и вернулась в палату.

— Можешь уносить, — Федотов кивнул на «утку», опять накрытую марлей.

— Хорошо. Я все унесу. — Она взяла в руки потяжелевший предмет.

— Не забудь вернуть. По вечерам у нас тут волонтеров нет, — пробурчал Федотов.

— Хорошо.

Инна вышла в коридор, надеясь, что одноклассники уже разошлись. Но она ошиблась. Ее встретили гул и смешки.

— Соломатина, ну ты даешь! Во вляпалась! Нет чтобы окна мыть, ты кашки выносить теперь целый месяц будешь! — громкий голос Егорова разносился по коридору. Егоров был хамом и отличником. Редкое сочетание способностей и полного отсутствия внутренних тормозов.

— Ты дура, что ли? — преградила ей путь подруга.

— Пусти, я сейчас уроню эту штуку! — цыкнула на нее Соломатина. — Уроню прямо на тебя.

— Больная! Тут же няньки есть! Это их работа... — не могла успокоиться Аня.

— Завтра я им напомню об этом, — парировала Соломатина, направляясь к туалетам.

Там она сделала, что положено было сделать, и вернулась к Федотову.

— Вот, пожалуйста, — она аккуратно поставила чистую «утку» рядом с кроватью.

— Угу, — ответил тот не глядя.

Домой Соломатина возвращалась одна. Одноклассники собрались в кино, подруга непонятно на что обиделась. «Дураки», — думала о них Соломатина. Она так устала, что не стала переодеваться в больнице, и теперь пояс давил, мешая дышать. Дома Инна зашвырнула «форменное» платье подальше в шкаф, приня-

ла душ, засунула за щеку «чупа-чупс» и легла. «Я не собираюсь быть врачом, фельдшером, сиделкой. Поэтому завтра я никуда не пойду». Приняв это решение, она сразу уснула.

В девять утра доктор Владимир Анатольевич совершал обход.

— Ну, как нога? — спросил он Федотова, который пытался очистить футболку от зубной пасты.

— Болит. Не так, как раньше, но болит.

— Это ничего. Болеть должно. Главное сейчас — не ходить.

— Знаю, — огрызнулся Федотов, — но и лежать тоже я больше не могу. Зубы почистить невозможно... Вот, весь перемазался...

— Ну что ж, это временные трудности, — похлопал его по плечу доктор, — потерпи. К тому же вон, у нас волонтеры работают. Помочь могут.

Федотов в ответ заскрипел зубами:

— Кому они нужны? Только шум, днем поспать не дают. Стучат...

— Что это ты? Всегда такой спокойный! — удивился Владимир Анатольевич.

Да, Олег Федотов был спокойным терпеливым пациентом. Доктор мог даже сказать — мужественным. Все, что с ним случилось, он

перенес практически в одиночестве. Без поддержки родных и близких. Потому что родных и близких у него не было. В новогоднюю неделю Федотов приехал из соседнего города с другими учениками математического интерната. И вот ведь незадача — лыжная прогулка! В больнице Федотова почти никто не навещал — пару раз приезжал приятель, пару раз педагог интерната. Доктор жалел парня, и именно поэтому он послал к нему Соломатину. Школьница показалась ему аккуратной, ответственной и какой-то... Доктор не мог подобрать точное определение. Короче, Инна Соломатина показалась ему самой подходящей кандидатурой.

Владимир Анатольевич вздохнул и вышел из палаты.

Она пришла в больницу, когда весь класс уже работал.

— О, командир горшков пожаловал, — пошутил Егоров.

Он умел удивлять тупостью шуток. Соломатина не отреагировала, только одернула свое белое платье. Гладить его пришлось впопыхах, утром, сожалея о вечернем опрометчивом решении. «Нельзя не ходить. Одноклассники засмеют. И Соколова обиделась, надо подойти к ней!» — думала Инна. Она выпалась

и была готова отомстить Федотову за выходку с «уткой». «Я все понимаю, но мог бы намекнуть, я бы позвала кого-нибудь из персонала, из мужчин».

— Вы опоздали, — встретил ее доктор, — все уже на своих местах. У нас утро — самое тяжелое время. Больные должны умыться, привести себя в порядок, одеться, принять лекарство. Им именно в это время требуется особая помощь.

— Извините. Я проспала. Вчера устала.

— Понимаю, но вы — волонтер, — напомнил Владимир Анатольевич, — кстати, ваш пациент, Федотов, из другого города. Здесь у него никого нет. Да и там, где он живет, тоже. Поэтому будьте внимательнее.

— Вы хотите сказать, он — детдомовский? — вздернула брови Инна.

— Да, последние годы Федотов живет и учится в специальном интернате для одаренных детей. У него исключительные математические способности.

— А, — протянула Инна, — потому вы его запахнули в самую дальнюю палату с недокрашенной стеной! Нет чтобы положить к соседям. Чтобы человек не один был. Чтобы поговорить было с кем. Конечно, детдомовского можно задвинуть...

Доктор оторопело посмотрел на Соломатину.

— Что это вы такое говорите?!

— А что, я неправду говорю? Разве не лежит он один? Представляете, как вечерами ему? Знаете, я считаю, что это неправильно. Это наплевательское отношение к...

— Хватит, идите займитесь делом, — оборвал ее доктор.

Наблюдая, как Инна идет по длинному коридору, Владимир Анатольевич думал: «Заноза, а не девчонка. Кстати, да, Федотов лежит один, угол стены «разбомблен». Нехорошо. А эта еще и шум устроит». Доктор вспомнил, как его племянница, подняв на ноги всякие там «контакты» и прочие сети, «уволила» директора местного кафе. «Так то — кафе. А здесь — больница, и парень без родителей. Надо срочно что-то делать», — заключил доктор.

Соломатина же, шедшая по коридору, думала следующее: «В палате, где лежит еще кто-то, всегда найдется ходячий больной, который подаст "утку"».

За первую неделю работы Соломатиной в больнице с Федотовым произошло событий больше, чем за все пять месяцев его лечения.

Во всяком случае, так казалось со стороны. Федотова два раза переселяли. Сначала в трехместную палату к говорливым мужичкам, потом, после самовольной попытки Федотова сбежать, обратно в старую палату. Федотову поменяли кровать — поставили ту, которая автоматически меняла положение изголовья. «Если он занимается, ему необходимо удобно сидеть. Может, это будущий нобелевский лауреат? Вы хотите, чтобы он уехал в другую страну?» — сказала Инна доктору. Соломатина умела прикинуться наивной дурой. Больничные поварахи, развозившие еду, научились класть отдельно кашу, омлет и масло. До появления Соломатиной они экономили посуду и норовили сложить все на одну тарелку. «Мы аккуратненько, с краю», — лживо приговаривали тетки, бухая все вместе.

— Это что за свинство? — возмутилась Соломатина однажды. — У вас что, тарелок нет? А если нет, вот же у человека на тумбочке три блюда!

Удивительно, но тетки подчинились.

— Федотов, кто она тебе? — поинтересовалась шепотом одна из них.

— Двоюродная баба-яга, — отвечал тот.

Похоже, он Соломатину возненавидел. От одной ее тоненькой фигурки, отутюженного